

УДК 821.161.1.09-2/3+929[КАТЕНИН+ПИСЕМСКИЙ]

П. А. КАТЕНИН И А. Ф. ПИСЕМСКИЙ. ПРЕЕМСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И ПОЛЕМИКА

О. В. Тимашова

Тимашова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, timaschova.ov@gmail.com

В статье рассмотрена преемственная связь А. Ф. Писемского с классицистической традицией в лице П. А. Катенина, ее преодоление по мере становления поэтики писателя. Установлено, что переосмысление ключевой для классицистического театра фигуры «*dues ex machina*» велось им в разных направлениях: гендерных, возрастных, но в первую очередь нравственно-дидактических. Критика образа и связанного с ним способа разрешения конфликта обусловлена близостью Писемского программе «молодой редакции» журнала «Москвитянин», а также идейными взглядами писателя: убеждением в неизменности «приврожденных» качеств человеческой природы, религиозным провиденциализмом.

Ключевые слова: П. А. Катенин, А. Ф. Писемский, «*dues ex machina*», «молодая редакция» журнала «Москвитянин».

P. A. Katenin and A. F. Pisemsky. Continuity and Polemic

O. V. Timashova

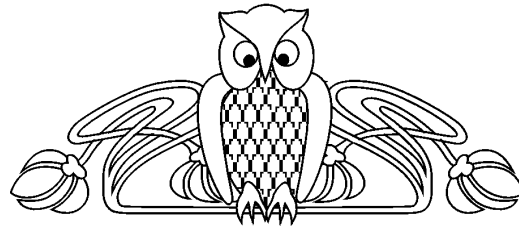
Olga V. Timashova, ORCID 0000-0002-1713-8685, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, timaschova.ov@gmail.com

The article considers A. F. Pisemsky's continuing classicist tradition represented by P. A. Katenin and overcoming it in the course of developing his unique writer's and playwright's poetic language on the model of a specific drama technique (*deus ex machina*). It has been established that Pisemsky reconsidered the key figure of classicist theatre from different perspectives: gender, age, space and time, but first and foremost from moral and didactic point of view. Image criticism and the means of conflict resolution are predetermined by the genre peculiarity (comedy, drama, small prose), by Pisemsky sharing the programme of the 'young editorial board' of the Journal *Moskvityanin*, and also by the ideology of the writer: by his being convinced of the inalterability of the innate personality traits, by religious providentialism.

Key words: P. A. Katenin, A. F. Pisemsky, *deus ex machina*, 'young editorial board' of the Journal *Moskvityanin*.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-56-59

«Комедийное наследие XVIII в. <...> сохраняло живое художественное значение и <...> влияло на формирование новой русской драматургии»¹. Считаем необходимым ввести в круг изучения преемственных связей драматургии XVIII–XIX вв. творческое наследие А. Ф. Писемского (1821–1881) – писателя, драматурга, сотрудника «молодой редакции» журнала «Москвитянин».

Первым литератором в окружении Писемского оказался П. А. Катенин – сосед семейства по костромскому имению, хранитель традиций классицизма «осмнадцатого столетия»². Самое раннее, негативное упоминание его имени находим в рассказе «Комик» (1851). Уездный любитель искусств с говорящей фамилией «Дилетаев» восхищается «букетом изящного»³, которое представляет творчество его кумира Катенина, в противоположность «грязному» Гоголю. В то же время биографы Катенина считают драматурга прототипом Коптина⁴ – персонажа автобиографического романа Писемского «Люди сороковых годов» (1869), чья декламация «полна благородного огня» (4, 215).

Противоречивость художественных воплощений образа Катенина склонила часть исследователей⁵ толковать литературное влияние престарелого драматурга как полемическое: в спорах с классицистом юный Писемский постиг значение гоголевской школы. Другие исследователи, напротив, указывают на их преемственность: «Катенин знакомил Писемского с трагедиями <...> классиков, и <...> власть искусства торжествовала над теоретическими предубеждениями»⁶. Мы поставили задачей путем сопоставительного анализа первого периода творчества Писемского (1847–1859), когда влияние было достаточно свежим, на примере одного художественного приема конкретизировать: преобладает ли в их отношениях полемическое начало или преемственность.

В качестве сопоставительного материала привлечена комедия «Сплетни» (1821) – одна из немногих катенинских пьес, события которой разворачиваются в настоящем. (Комедия «Студент» создана Катениным в соавторстве с А. С. Грибоедовым, и степень его участия не представляется возможным определить.) Катенин гордился тем, что придал более правдоподобия фабуле комедии «*Le Méchant*» («Злой»), заимствованной у французского драматурга Ф. Грессе⁷. Тем не менее в развязке пьесы он прибег к излюбленному классицизмом приему «*dues ex machina*». Этот образно-композиционный прием, провозглашающий веру в разум, «ведет свое начало от театра древних»⁸ и сближает классицистическую комедию и «слезную драму» с центральным жанром трагедии – «образом монарха, волей которого определяются в итоге судьбы подданных»⁹. Одиноким старик Игорев прибывает из столицы «решать проблемы героя в последнюю минуту»¹⁰. Его с нетерпением ждут жертвы порока:

А лучше что всего, он вес большой имеет;
С ним ваша маменька не очень спорить смеет;
А плохо без него, зарежет Зельский плут...¹¹

Ожидания вполне оправдываются: «почтенный старик» склонил Варягина отдать руку племянницы достойнейшему¹², приструнил ее кокетку-мать¹³, заставил Лидина оценить достоинства скромной Настеньки¹⁴. Мудрые действия в сфере житейской не затушевывают его главной, общественной миссии: разоблачения «забывшего честь»¹⁵ врага общественной морали Зельского.

Анализ катенинской пьесы позволяет выделить ряд типологических черт русского «бога из машины»: гендерных, сословных, возрастных. Приезжий, как правило, мужчина, чья рассудительность помогает преодолеть неразумие женского пола. Подразумеваются его богатство и титул: граф или князь (в фамилии Игорева прослеживаются ассоциации с «князем Игорем»). Приезд в провинцию из столицы свидетельствует о его общественном статусе. Почтенные лета делают «спасителя» неуязвимым для искушений.

Из двенадцати произведений первого периода творчества Писемского названный образ мы наружили в семи. Наиболее отчетливо следы влияния Катенина видны в первой комедии Писемского «Ипохондрик» (1851). Утром традиционных классицистических суток помещик с говорящей фамилией Дурнопечин убедил себя, что умирает, «всё теперь кончено!»¹⁶. Так определяется единая в классицистической пьесе тема, «связанная, как правило, с доминирующей чертой характера главного героя (=обличаемого порока)»¹⁷.

Развязка соответствует классицистической традиции. Когда, узнав о тяжелом состоянии «дядюшки», «дедушки», «братца», собираются родня и знакомые, желающие пожить, — появляется избавитель. Но он приезжает не из столиц, а из деревни. Спасителем стала тетка Ипохондрика, Соломонида Платоновна. В ранней журнальной редакции она является носителем идеалов «молодой редакции» патриархального журнала «Москвитянин»: богомольна, замечательная хозяйка и врач-самоучка: «Никогда лекарей не зовет, у ней травник есть <...>»¹⁸. Мудрая тетушка видит истоки бед племянника во влиянии европейской цивилизации: «Служить и жениться тебе надобно <...>!»¹⁹

В драме «Ветеран и новобранец» (1854) в центре художественного исследования снова оказывается одна «страсть» героя, на этот раз благородная — любовь к Отечеству. Знавший полковника Лихарева — «ветерана» — во времена его молодости денщик высказывает убежденность, что отец согласится отправить на войну младшего сына («новобранца»). Саша указывает, что обстоятельства трагически изменились: «Оно бы, конечно, сделал, кабы братцев не убили <...>»²⁰

Супруга «ветерана», Аполлиария Матвеевна, приглашает в деревню чиновного брата, который уверен в успехе своей миссии: «Будь покойна, сестра, я открою <...> печальное известие и докажу <...>, что того господина (младшего племянника Сашу. — О. Т.) пускать не следует»²¹. Власий Матвеевич, как подобает мудрому старцу, оперирует логическими аргументами: «Семейство ваше <...> отправило свою очередь, ознаменовав <...> служение отечеству смертью <...> старших братьев»²². Но ни логика свояка, ни слезы жены не сломали природного благородства «ветерана»: «Благословите, Аполлиария Матвеевна, сына: он <...> поедет на убылое место: солдаты нужны»²³.

Прием, подсказанный Катениным, Писемский распространил и на прозаическое творчество. Образ «мнимого спасителя» определяет парадоксальную развязку в его сатирической прозе: повести «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына. Брак по страсти» (1851) и новелле «М-г Батманов» (1852). Вместо старца появляется молодая дама, которая, неожиданно для себя, но закономерно для читателя, становится объектом нежных чувств «благодетельствованного» юноши.

В новелле «М-г Батманов» московская княгиня, вместо того чтобы просвещать провинциалов, позволяет себе поведение весьма вольное: «Она приучила <...> дам курить <...> папиросы и пить <...> шампанское <...>»²⁴. Батманов, привлеченный мнимой доступностью княгини, рвет отношения с прежними пассиями; но по приезде в столицу встречает чопорную даму и получает резкую отповедь.

В повести «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына» «философка» Варвара Мамилова пытается устроить «брак по страсти». Но нравственный облик влюбленных так низок, что благородные порывы благодетельницы заканчиваются разочарованием: «Юноша, в котором я предполагала столько благородных чувствований, <...> развратный интриган <...>. Она <...> целовалась <...> с женихом, а теперь начала целоваться с <...> поклонниками» (2, 138). Мамилова, подобно княгине, развращает подопечных — не поведением, а эмансипационными идеями, которые основаны на тезисах поздних радикальных статей В. Г. Белинского (2, 40), оспариваемых «молодой редакцией» «Москвитянина». Ей противопоставлен образ крикливой, но верной супружескому и материнскому долгу Катерины Архиповны.

Усиленное общественное звучание характеризует образы двух «спасителей» из центральных повестей раннего периода: графа Сапеги («Боярщина» (1847, опубл. 1855)) и князя Сецкого («Богатый жених» (1852)). А. П. Могиланский указывал, что данные образы демонстрируют типологическую близость, отмечая переключку в описании их знатности, богатств

и оказываемого им в провинции почтения²⁵. Сопоставительный анализ, проведенный через призму классицистического приема, доказывает, что связи этих образов сложнее. С одной стороны, граф и князь представляют отрицательный и положительный идеал раннего Писемского. С другой стороны, итоги их деяний в рамках функции частного и общественного спасителя поразительно схожи.

В обоих произведениях приезжий вмешивается в любовную драму. Анна Павловна терпит унижения грубого мужа, в то время как встречает первую любовь, Эльчанинова («Боярщина»). Помощь графа Сапеги явилась, однако, частью интриги, чтобы разлучить молодых людей и сделать Анну своей любовницей (1, 140). Таким образом, «спаситель» приобретает сюжетные функции своего антипода, «злодея»: «Сплетни, смех, когда другие в плаче, обманы низкие и наглость в неудаче»²⁶. Осознав, что Анна потеряла рассудок по вине его сплетен, Сапега нагло бросает умирающую женщину и бежит в Петербург.

Писемский, помимо профанации роли благодетеля влюбленных, развенчивает традиционную фигуру общественного судьи. Граф самовластно хозяйничает в провинции, силою имени и положения устраняет неугодных.

В повести «Богатый жених» родные противятся свадьбе Веры с недоучившимся студентом Шамиловым. Князь Сецкий, «вовремя» прибывший с ревизией, ошибся: устраивая брак девушки с любимым, он заставил ее забыть свою настоящую судьбу: простодушного, но благородного Степочку. Здесь впервые звучит провиденциальная тема, определившая подтекст творчества зрелого Писемского: неисповедимы пути Господни, человек не знает, что ему нужно. Аналогичное поражение и гибель ждет благородного князя на пути осуществления общественных реформ.

В основе человеческого характера, как заявлял Писемский друзьям по «молодой редакции», лежат «приврожденные склонности»²⁷. Этот тезис подкреплял убежденность Писемского в невозможности изменения человеческой природы путем воздействий «школы и цивилизации» (9, 526), а только путем внутренней духовной работы. Из школы «Москвитянина» Писемский вынес философию здравого смысла и веру в Божественную справедливость, действующую порой вопреки воле людей.

Творческие взаимоотношения двух уроженцев Костромского края мы назовем полемической преемственностью. В начале 1850-х гг. начинает складываться драматургическая система Писемского, в которой наиболее заметны связи с Катениным: он сохранял правила «трех единств», исследовал одну, центральную «страсть» человека – будь то черта благородная или смешная. Но драматург показывал

невозможность ее устранения только путем внешних внушений. Диалектику прозы писателя определяют общественные условия и их влияние на «приврожденную» человеческую индивидуальность. К аргументам полемики с просветительской классицистической эстетикой добавляется разочарование в могуществе разума и убежденность в невозможности победы благородного одиночки над системой.

Примечания

- ¹ Борисов Ю. «Горе от ума» и русская стихотворная комедия (У истоков жанра). Саратов, 1978. С. 11.
- ² Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 13. М., 1937. С. 365–366.
- ³ Писемский А. Собр. соч. : в 9 т. / под ред. А. П. Могилянского, вступ. ст. М. П. Еремина. Т. 2. М., 1959. С. 169. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.
- ⁴ См.: Бертенсон С. А. Катенин. Литературные материалы. СПб., 1909. С. 43.
- ⁵ См.: Зелинский В. А. Ф. Писемский, его жизнь, литературная деятельность и значение в истории русской письменности // Писемский А. Полн. собр. соч. : в 8 т. Т. 1. СПб., 1910. С. LVIII.
- ⁶ Фрицман Л. Парадокс Катенина // Катенин П. Размышления и разборы / вступ. ст. и примеч. Л. Г. Фрицмана. М., 1981. С. 19.
- ⁷ См.: Катенин П. Избранные произведения / вступ. ст. и прим. Г. В. Ермаковой-Битнер. М. ; Л., 1965. С. 650.
- ⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1893. Т. 10 «А». С. 500.
- ⁹ Стенник Ю. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л., 1981. С. 113.
- ¹⁰ Lavandier Yves, La dramaturgie, Le Clown @ L'Enfant // Wikipedia en Français. 2010. URL: <https://fr.wikipedia> (дата обращения: 26.11.2017).
- ¹¹ Сплетни, комедия в трех действиях в стихах Павла Катенина, подражание Грессетовой комедии «Le Méchant». СПб., 1821. С. 27.
- ¹² Там же. С. 29.
- ¹³ Там же. С. 36–37.
- ¹⁴ Там же. С. 30.
- ¹⁵ Там же. С. 44.
- ¹⁶ Писемский А. Пьесы / под ред. М. П. Еремина. М., 1958. С. 52.
- ¹⁷ Борисов Ю. Указ. соч. С. 45.
- ¹⁸ Писемский А. Ипохондрик // Москвитянин. 1852. № 1. Отд. 1. С. 61.
- ¹⁹ Там же. С. 121.
- ²⁰ Писемский А. Ветеран и новобранец. Эпизод из 1854 года // Отечественные записки. 1854. № 9. Отд. 1. С. 101.
- ²¹ Там же. С. 99.
- ²² Там же. С. 100.
- ²³ Там же. С. 121.

- ²⁴ Писемский А. Полн. собр. соч. : в 24 т. Т. 3. СПб. ; М., 1895. С. 179. Катенина, подражание Грессетовой комедии «Le Méchant». С. 51–52.
- ²⁵ См.: Могилянский А. Писемский. Жизнь и творчество. Л., 1991. С. 33. ²⁷ Писемский А. Письма / под ред. и с коммент. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М. ; Л., 1936. С. 35–36.
- ²⁶ Сплетни, комедия в трех действиях в стихах Павла

Образец для цитирования:

Тимашова О. В. П. А. Катенин и А. Ф. Писемский. Преемственные связи и полемика // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 56–59. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-56-59.

Cite this article as:

Timashova O. V. P. A. Katenin and A. F. Pisemsky. Continuity and Polemic. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 56–59 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-56-59.
